

УДК 323.1
ББК 66.5
Ш 30

Оформление *Б. Протопопова*

Шафаревич И. Р.

Ш 30 Большая тайна Малого народа / Игорь Шафаревич. — М. : Алгоритм, 2013. — 272 с. — (Политические тайны XXI века).

ISBN 978-5-4438-0197-1

Имя выдающегося мыслителя, математика, общественного деятеля Игоря Ростиславовича Шафаревича не нуждается в особом представлении. Его знаменитая «Русофобия», вышедшая в конце 70-х годов XX века и переведенная на многие языки, стала вехой в развитии русского общественного сознания, вызвала широкий резонанс как у нас в стране, так и за рубежом. Тогда же от него отвернулась диссидентствующая интеллигенция, боровшаяся в конечном итоге не с советским режимом, но с исторической Россией. А приобрел он подлинное признание среди национально мыслящих людей.

На новом, переломном витке истории «Русофобия» явилась книгой пророческой. Прежние предположения автора давно стали действительностью: сейчас русофобия в России достигла небывалого взлета.

Классический труд автора дополнен более поздними его работами на эту тему.

**УДК 323.1
ББК 66.5**

ISBN 978-5-4438-0197-1

© Шафаревич И.Р., 2013
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работы, собранные в этой книге, были опубликованы раньше, но, к сожалению, не потеряли связи с современной жизнью, что я и стараюсь пояснить в предисловии.

Основная мысль, которую я в разных работах подкрепляю разными аргументами, заключается в следующем. Сила, жизнеспособность государства определяется не эффективностью его администрации, мощностью его армии или производительностью экономики, но цельностью его национальной жизни. Иногда государство объединяет несколько народов — как, например, в Великобритании, но среди них всегда есть один «государствообразующий», усилиями которого государство было создано, на культурные традиции которого оно опирается.

С этой точки зрения современная Россия представляет собой неестественный и больной организм (каким был и СССР). Сейчас в России имеется около двадцати республик, считающих себя национальными, имеющих «титულную» нацию, что подчеркнуто в их конституциях. Но подавляющее большинство жителей этих республик — русские, а «титулные» нации составляют около 8% населения. Такое положение неустойчиво и мешает объединению народных сил в наше кризисное время. Более того, графа «национальность» удалена из паспортов (хотя «пол» еще остался), национальность перестала быть юридическим понятием. Теряет смысл даже вопрос о национальном составе России. Также невозможно хотя бы учесть национальный состав громадного потока переселен-

цев, въезжающих в Россию — не говоря о том, чтобы его регулировать, исходя из русских национальных интересов.

После распада Советского Союза русский народ оказался разделенным между несколькими государствами, подобно немецкому после конца Великой Отечественной войны. Но в нашем случае в Российской думе нет ни одной партии, которая заявляла бы как свою политику — будущее воссоединение русского народа. Надо явно признать, что наш народ сейчас лишен своего государства, является редким в мире народом без государства — в роде басков.

Эти явления конечно тесно связаны с тем, что происходит в духовной области. В том государстве (называемом РФ), где русские составляют подавляющее большинство населения, всякая попытка понять его историю и культуру встречает резкое сопротивление — клеймится термином «экстремизм», а для борьбы с «экстремизмом» принят специальный закон.

Слово «русский», которое мы больше не увидим в своих паспортах, в пропаганде оказалось очень популярным. Например, в таких выражениях как «русский фашизм — хуже немецкого» или «Россия — мировая черная дыра». А часто то же явление проявляется и без использования слов «русский» или «Россия». Например, когда в Большом театре ставится опера на либретто автора, известного своими порнографическими творениями.

Попытка понять весь этот комплекс вопросов и объединяет работы, собранные в настоящей книге.

Апрель 2005 г.

ОТ АВТОРА

До революции общественное мнение России, да и всего мира, чутко отзывалось на выражения недовольства многих входивших в Россию народов: звучал и «польский вопрос», и «финский вопрос», и «еврейский вопрос»... Но о «русском вопросе» слышно было редко. И так же дальше шло в нашей истории.

При коммунистической власти направление задал один из последних документов, написанных Лениным (1923 г.): «Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывалось в жизни фактической». (Удивительно, как легко марксисты забывают свои принципы «классового подхода к истории», когда речь заходит о нациях, особенно — о русских. Вот и Маркс с Энгельсом называли русских «контрреволюционной нацией».) Так и остались русские на десятилетия в роли «возмещающих», хотя никто не подсчитал, кого и насколько они угнетали и каков же объем этих наложенных на них «интернационалистских репараций».

Во время войны Сталин стал употреблять слово «русские», после войны назвал русский народ «наиболее выдающейся нацией из числа наций, входящих в Советский Союз». Но когда группа руководящих коммунистических деятелей попыталась, строго в рамках тогдашней системы, как-то реа-

лизовать эту фразеологию, то кончилось все расстрелами и арестами («Ленинградское дело»). С другой стороны, в ЦК было даже создано совещание историков, чтобы «дать отпор ревизионистским идеям», например, «требованию пересмотреть <<...> вопрос о царской России как тюрьме народов».

И после смерти Сталина общественное мнение либеральной и оппозиционной интеллигенции по существу восприняло точку зрения Ленина о «справедливом неравенстве» между русскими и другими народами СССР. Я знал тогда людей, которые готовы были напрочь поломать свою жизнь, отстаивая права крымских татар. Хотя, например, о судьбе донских казаков, число которых за время Гражданской войны сократилось более чем вдвое, никто не поминал. Да и тогда же «русский вопрос» весьма остро стоял, например, в Чечне (тогда — Чечено-Ингушской АССР). Там жило около полумиллиона русских (больше, чем татар в Крыму). Сейчас их осталось совсем немного (в основном старики, которым некуда податься). И то, как их выживали, убивали, грабили, насиловали, — не волновало ни тогдашних правозащитников, ни современных политиков, так охотно драпирующихся в патриотические одежды. Равнодушие к судьбе своего народа легко переходило во враждебное его осуждение. И средний советский интеллигент, и западный советолог, и различные «голоса», вещавшие на СССР, все сходились на том, что наша страна — колониальная русская империя. Термин «тюрьма народов», которого власти уже стали стыдиться, перешел в оппозиционный Самиздат. Тогда же стала допускаться эмиграция, и эмигранты, уже не боясь, ярко высказывали те же чувства.

Вот этому явлению и была посвящена первая работа из числа собранных в книге («Русофобия»). Меня поразило странное явление. Казалось понятным, что русские за свою длинную историю могли нажать себе недоброжелателей. Но как понять «русофобию русских» или, по крайней мере, людей, пишущих «мы, русские...»?

Только позже я узнал, что явление это — старое, да и сам термин применялся именно в этой связи. О людях этого направления еще Пушкин писал:

И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.

Позже Тютчев писал (в письме дочери):

«Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологический характер. Это русофобия некоторых русских людей... Раньше они говорили нам, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т. д., и т. п., что именно бесспорным наличием всего этого им и нравится Европа... А теперь что мы видим? По мере того, как Россия, добываясь все большей свободы, все более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается».

Он писал по поводу некоторых тогдашних высших сановников (министра внутренних дел и шефа жандармов), что для них «так называемая русская народность есть не что иное, как вранье журналистов». Он говорит:

«До сих пор это явление не было достаточно подробно исследовано... это происходит не только вследствие недоразумения, глупости, неправильного понимания или суждения. Корень этого явления глубже, и еще неизвестно, докуда он доходит».

В этот же ряд наблюдений укладывается и мысль Достоевского:

«Они ненавидят Россию, так сказать, натурально, физически: за климат, за поля, за леса, за порядки, за освобождение мужика, за русскую историю, одним словом, за все, за все ненавидят».

И уже в XX веке Розанов писал:

«Дело было вовсе не в «славянофильстве» и «западничестве». Это — цензурные и удобные термины, покрывающие далеко не столь невинное явление».

И он так очерчивает это мировоззрение («явление»):

«Россия не содержит в себе никакого здорового и ценного звена... Это ужасный фантом, ужасный кошмар, который давит душу всех просвещенных людей. От этого кошмара мы бежим за границу, эмигрируем, и если соглашаемся оставить

себя в России, то ради того единственно, что находимся в полной уверенности, что скоро этого фантома не будет, и его рассеем мы, и для этого рассеяния остаемся на этом проклятом месте Восточной Европы».

С другой стороны, явление это далеко не специфически русское. В указанной работе я привожу совершенно аналогичные его проявления в разных странах. По-видимому, это обычный признак кризиса, переживаемого каким-то народом.

К моему удивлению, «Русофобия» вызвала чрезвычайно много откликов. Они и сами дают яркую картину рассматривавшегося в работе явления — обзору их я посвятил вторую работу, помещенную в этой книге. Но больше всего в этих откликах меня поразило то, что подавляющая часть их касалась лишь одного (и не основного) вопроса, затронутого в работе. А именно, невозможно было не заметить, что среди разбираемых авторов (самиздатских или эмигрировавших и печатавшихся на Западе) исключительно велико было участие еврейских публицистов. Причем не только по именам, но и по тому, какое место в их публикациях занимали темы, волновавшие тогда еврейство (ограничения эмиграции, опасность антисемитизма). Да еще я сопоставил это явление со столь же бросающимся в глаза участием еврейских революционеров в руководстве коммунистической власти первое время после революции.

Сам характер этих отзывов порастил меня. В подавляющей части они были критическими в отношении моей работы. Но «критическими» отнюдь не в общепринятом смысле. Это не было опровержение приведенных там фактов или логики рассуждений. А логические контраргументы обычно были столь элементарно несостоятельны, что интеллигентные авторы легко могли бы это сами заметить. Очевидно, это был взрыв иррационального возмущения: как можно обсуждать столь «недопустимый вопрос»? Существование такого «табу» было мне ясно и до того, но я не представлял себе его универсальный масштаб по всему миру — вплоть до США. А у нас это совпало с эпохой провозглашения гласности. Казалось общепризнанным, что необходимо стремиться к открытому обсуждению любого вопроса. Но вот в одной области упразднились и плюрализм, и толерантность.

Такое особое отношение лишь к одной области жизни, такая управляемость и табуизированность «общественного мнения», причем во всем мире, выявляли, очевидно, поразительную и важную черту современной жизни. Это и привлекло мое внимание к роли еврейства в современности, да и в прошлом. Факты, соображения, собранные за много лет, легли в основу работы, завершающей книгу.

Основной вывод, к которому я там пришел, заключается в следующем. Рассеянное по миру еврейство давно играло большую роль в жизни многих народов — начиная с античности. Начиная с XVII—XVIII вв. это влияние стало быстро расти и росло до наших дней. В нашей стране это влияние особенно ярко проявилось в перевороте 1917 г. и в перевороте конца 1980-х — начала 1990-х гг. Но оно не слабее и на Западе, особенно в США. Причина (механизм) столь сильного влияния видится мне так. Будучи рассеяно по всему миру, еврейство, тем не менее, обладает поразительным свойством очень легко заражаться одним настроением, подчиняться влиянию активного меньшинства. Один из влиятельных вождей еврейского национализма в XIX в., Гретц, назвал его «чудесной взаимосвязью, нерасторжимо соединяющей члены еврейского мира», другие предлагали иные формулировки, многие (еврейские) мыслители высказывали свое недоумение по поводу этого явления. Исторически оно сложилось за громадный промежуток времени (более 2500 лет только подтвержденной источниками истории) из следующих основных факторов:

1) Религиозная концепция избранности, сформулированная еще в Пятикнижии, но впоследствии переосмысливавшаяся в чисто светской форме.

2) Развитая в талмудической литературе концепция принципиального отличия евреев от других людей, так что к ним просто не применимы общие мерки.

3) Система организации еврейских общин в кагалы. Она существовала начиная со Средних веков и до Французской революции в Западной Европе и до XIX в. в Восточной. Она была основана на жесточайшем подчинении каждого члена общине. Живущий в Израиле автор — Израиль Шахак — называет ее «одним из самых тоталитарных обществ в истории».

4) Возникший в XIX в. «наследник» этой организации — сеть «закрытых» (для неевреев) обществ, покрывающих сейчас США и Западный мир вообще. Вместе эти факторы превратили еврейство (понимая этот термин весьма широко) в незаменимое орудие социального переворота.

Я не вижу аргументов, указывающих на то, что еврейское влияние является основным, определяющим фактором истории. Кризис в жизни какого-то народа или общества созревает на основе логики его собственной истории, как следствие решений, свободно принятых отдельными людьми (или обществом в целом). Но в ряде ситуаций видно, как эта струя вливается в уже возникший где-либо кризис, способствуя победе более радикальных тенденций и укреплению победившей партии переворота. Современный автор, публикующийся в России (Д. Фурман), пишет: «Везде, во всем мире роль евреев в прогрессистских и революционных движениях всегда была совершенно не пропорциональна их удельному весу в населении». Как он пишет, во время «первичного революционного цикла» (подразумевается революция 1917 г. — *И. Ш.*) «большинство политически активных евреев выступало на стороне революции... одновременно устанавливающей тоталитарный режим». И автор продолжает: «На мой взгляд, в очень смягченной форме ту же логику в отношении большинства евреев мы видим и в 1989—1993 годах». И в ряде исторических ситуаций, многие из которых описаны в работе, видно, что так называемый «еврейский вопрос» проявляется не как национальный вопрос, а как вопрос о власти. А мировое еврейство с его уникальными, выработанными тысячелетиями свойствами является лишь очень важным орудием при подготовке радикального переворота и удержании новой власти.

Особенно в истории нашей страны в XX в. эти черты проявились с необычайной яркостью. Например, в период так называемого «застоя», когда коммунистическая власть пыталась обойтись без этого фактора поддержки: несколько уменьшить еврейское влияние. А кончилось все крахом этой власти. И многократно обсуждавшиеся ситуации — перевороты 1917 г. и конца 1980-х — начала 1990-х гг. Ясно, что это

очень важный фактор, влияющий на нашу жизнь. Чтобы в этом убедиться, можно произвести такой «мысленный эксперимент»: предположить, что еврейское влияние как по волшебству было убрано из нашей жизни во время революции 1917 г. или революции конца 1980-х — начала 1990-х гг. Ясно, что кризис все равно надвигался, но пережила бы его страна как-то иначе.

Те же силы действуют и сейчас, а значит, влияют на наше непосредственное будущее. Например, писатель Тополь, уехавший из России, недавно опубликовал статью, в которой так характеризует нынешнее положение: «Впервые за тысячу лет со времени поселения евреев в России мы получили реальную власть в этой стране». Даже если в этих словах есть преувеличение, они указывают на неестественную и опасную ситуацию. И далеко не потому, что, по словам Тополя, «у нас вся финансовая власть, а правительство состоит из полукровок Кириенко и Чубайса». Дело не в том, что аборигенам тоже хочется погреть руки на дележе богатств страны или порулить государственным кораблем, а, как мне кажется, в том, что при любой форме правления — от абсолютной монархии до абсолютной демократии — страной реально правит довольно узкий слой людей. Если он перестает ощущать и отстаивать те минимальные требования, которые предъявляет к жизни основная часть народа, то кончается это общегосударственной катастрофой. А способность почувствовать фундаментальные запросы народа определяется близостью к нему, разными факторами, в том числе и национальной родственностью. Тут совершенно невозможно вычислить какую-то «процентную норму», но многие признаки иногда показывают, что необходимая близость нарушается, ситуация переходит какую-то черту — и страна обрушивается в катастрофу.

Как изменить это опасное для будущего страны положение и не допустить, чтобы оно опять сложилось? Такой стороной оборачивается для нас, для России и для русских, сейчас «еврейский вопрос». Если опыт истории чему-либо и учит, то тому, что вопрос этот не может быть «решен». За несколько тысяч лет столько попыток предпринималось в этом на-

правлении как с еврейской стороны, так и со стороны других народов. XX век принес два таких грандиозных «проекта». Один, «сионистский», — попытка собрать большую часть евреев в одно национальное государство — явно не удался. Очевидно, что по разным причинам Палестина не способна вместить большую часть мирового еврейства. Другой «проект» — ассимиляция — тоже зримо идет на убыль. И вряд ли за протекшие тысячелетия в этих вопросах люди стали мудрее. Вообще, это легкая и неверная мысль, идущая от эпохи Просвещения, что любая драматическая проблема жизни может быть решена какими-то внешними средствами. Жизнь человечества и каждого человека трагична по сути своей. Самое яркое проявление этого — смертность каждого человека. И в данном случае мы имеем дело действительно с драматической ситуацией. Евреи чем-то принципиально отличаются от других народов. Это ощущали и по-разному выражали еврейские мыслители в различные эпохи. Так, в Моисеевом Пятикнижии Валаам говорит об Израиле: «С вершины скал вижу я его, и с холмов смотрю на него: вот, народ живет отдельно и среди народов не числится» (Числа, 23,9). А в XX в. историк русской литературы, наиболее известный как организатор сборника «Вехи», М.О. Гершензон под конец жизни написал статью «Судьбы еврейского народа», где говорит об истории евреев, что она «слишком странна своим разительным несходством с историей прочих народов». Сосуществование столь различных общностей не может не порождать болезненных ситуаций (как и было, например, в Гражданскую войну или во время коллективизации). И русские, как и любой другой народ, желающий сохранить свое место под солнцем, должны осознать наличие этой драматической стороны жизни и добиться, чтобы в нашей жизни были реализованы наши основные жизненные цели.

Но в чем эти цели конкретно заключаются? На такой вопрос, мне кажется, ответ может дать только весь народ в целом (есть, конечно, путь придумывания, «конструирования» будущего народа, но это путь создания «утопии», особенно болезненный, если утопия реализуется). Как же может народ

свои цели формулировать? Выше я привел слова еврейского национального деятеля Гретца о «чудесной взаимосвязи, нерасторжимо соединяющей члены еврейского мира». Другие народы таким свойством, видимо, не обладают. Поэтому для нас остается лишь путь (найденный человечеством в связи с открытием речи и письма) — обдумывания и обсуждения всех сторон нашей истории. И какие-либо запреты и «табу» в этой области гораздо серьезнее, чем «нарушение прав человека» — для каждого народа речь идет о самом необходимом условии его выживания. Поэтому, как мне представляется, для современной России это одна из важнейших задач — отстоять право на осмысление своей истории, без какой-либо формы цензуры. И можно надеяться, что задача эта не только реальна, но решение ее близко. В нашем обществе, во многом столь несвободном, все шире утверждается убеждение, что осознание исторического опыта народа — процесс, который ничем и никем не может быть приторможен. То есть в этом вопросе мы оказались духовно свободнее большинства других народов мира.

И если наше поколение когда-то будет спрошено (а ведь будет!) — что же мы сделали в этот губительный для России век? — то сверх многих отрицательных оправданий (НЕ участвовал в насилиях, НЕ эмигрировал, НЕ продался...), среди немногих положительных действий, я надеюсь, окажется это изменение народного сознания.

РУСОФОБИЯ¹

1. ЦЕЛЬ РАБОТЫ

Как течет сейчас духовная жизнь нашего народа? Какие взгляды, настроения, симпатии и антипатии, — и в каких его слоях — формируют отношение людей к жизни? Если судить по личным впечатлениям, то размах исканий (и, может быть, метаний?) необычайно широк: приходится слышать о марксистах, монархистах, русских почвенниках, украинских или еврейских националистах, сторонниках теократии или свободного предпринимательства и т.д. и т.д. И конечно, о множестве религиозных течений. Но как узнать, какие из этих взглядов распространены шире других, а какие лишь отражают мнение активного одиночки? Социологические обследования на эту тему, кажется, не проводятся, да и сомнительно, дали ли бы они ответ.

Но вот случилось непредвиденное: в 70-е годы произошел взрыв активности именно в этой области. В потоке статей, передававшихся здесь из рук в руки или печатавшихся в западных журналах, авторы раскрывали свое мировоззрение, взгляды на различные стороны жизни. Судьба как будто приоткрыла крышку кастрюли, в которой варится наше будущее, и дала заглянуть в нее. В результате обнаружилась совершенно неожиданная картина: среди первозданного хаоса самых разнообразных, по большей части противоречащих друг другу суждений, обрисовалась одна четкая концепция, которую естественно счесть выражением взглядов сложившегося, сплоченного течения. Она привлекла многих авторов, ее поддерживает большинство русскоязычных эмигрантских

---

¹ Написано в 1978—1982 годах.

журналов, ее приняли западные социологи, историки и средства массовой информации в оценке русской истории и теперешнего положения нашей страны. Приглядевшись, можно заметить, что те же взгляды широко разлиты в нашей жизни: их можно встретить в театре, кино, в песенках бардов, у эстрадных рассказчиков и даже в анекдотах.

Настоящая работа возникла как попытка уяснить себе причины, вызвавшие это течение, и цели, которые оно себе ставит. Однако, как будет видно дальше, здесь мы неизбежно сталкиваемся с одним вопросом, находящимся под абсолютным запретом во всем современном человечестве. Хотя ни в каких сводах законов такого запрета нет, хотя он нигде не записан и даже не высказан, каждый знает о нем, и все покорно останавливают свою мысль перед запретной чертой. Но не всегда же так будет, не вечно же ходить человечеству в таком духовном хомуте! В надежде на возможного хоть в будущем читателя и написана эта работа (а отчасти и для себя самого, чтобы разобраться в своих мыслях).

В наиболее четкой, законченной форме интересующее нас течение отразилось в литературной продукции — ее мы и будем чаще всего привлекать в качестве источников. Укажем конкретнее, о какой литературе идет речь. Она очень обширна и растет от года к году, так что мы назовем только основные работы, чтобы очертить ее контуры. Началом можно считать появление в Самиздате сборника эссе Г. Померанца¹ и статьи А. А. Амальрика² в конце 60-х годов. Основные положения, потом повторявшиеся почти во всех других рабо-

---

¹ Приведем самые краткие сведения об авторах тех произведений, которые будут здесь обсуждаться: Г. Померанц — советский востоковед. В сталинское время был арестован. Свои исторические и общественные взгляды он излагал в сборниках работ, распространявшихся в Самиздате, а потом изданных на Западе, а также в лекциях и докладах на семинарах. Несколько его статей появилось на Западе в журналах, издаваемых на русском языке.

² А. Амальрик учился на историческом факультете МГУ, потом сменил ряд профессий. Вскоре после опубликования указанной выше работы был арестован и осужден на три года, а когда срок почти отбыл — вторично осужден лагерным судом. После заявления, разъясняющего его взгляды, был амнистирован и эмигрировал.

тах, были более полно развернуты в четырех псевдонимных статьях, написанных здесь и опубликованных в издающемся в Париже русском журнале «Вестник Русского Студенческого Христианского Движения». Разъясняя принципиальный, программный характер этих работ, редакционная статья предвзяла: «Это уже не голоса, а голос не вообще о том, что происходит в России, а глубокое раздумье над ее прошлым, будущим и настоящим в свете христианского откровения. Необходимо подчеркнуть необыкновенную важность этого, хотелось бы сказать, события...» С увеличением потока эмиграции центр тяжести переместился на Запад. Появилось несколько сборников и статей и книги Б.Шрагина¹ «Противостояние духа» и А.Янова² — «Разрядка после Брежнева» и «Новые русские правые». Близкие взгляды развивались в большинстве работ современных западных специалистов по истории России. Мы выберем в качестве примера книгу Р. Пайпса³ «Россия при старом режиме», особенно тесно примыкающую к интересующему нас направлению по ее основным установкам. Наконец, множество статей того же духа появилось в журналах, основанных на Западе недавними эмигрантами из СССР: «Синтаксис» (Париж), «Время и мы» (Тель-Авив), «Континент» (Париж), и в западных журналах и газетах.

Вот очень сжатое изложение основных положений, высказываемых в этих публикациях.

Историю России, начиная с раннего Средневековья, определяют некоторые «архетипические» русские черты: рабская психология, отсутствие чувства собственного достоин-

---

¹ Б. Шрагин — кандидат философских наук. Был членом КПСС и даже секретарем своей организации. Опубликовал под различными псевдонимами ряд статей в Самиздате и за границей. За подписи под несколькими письмами протеста был исключен из партии и эмигрировал. В эмиграции участвовал в сборнике «Самосознание» и писал в эмигрантских журналах.

² А.Янов — кандидат философских наук и журналист. До эмиграции был членом КПСС и любимым автором журнала «Молодой коммунист». После эмиграции — профессор университета в Беркли, советолог. Опубликовал большое число работ в англо- и русскоязычных журналах и газетах.

³ Р. Пайпс — выходец из Польши, американский историк. Считается ведущим специалистом по русской истории и советологом. Ближайший советник президента Р. Рейгана.